

УДК 94(571.1)07
ББК 63.3(253.3)521

**Традиционные промыслы мещан
в городах Томской губернии
в первой половине XIX в.**

О.В. Меженина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Traditional Crafts of the Burghers
in the Cities of the Tomsk Province
in the First Half of the XIX Century**

O.V. Mezhenina

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье анализируется промысловая деятельность мещан в городах Томской губернии Российской империи дореформенного периода. Последовательно рассмотрено ее разнообразие. Раскрываются особенности мещанского пчеловодства в волостях юго-западной Сибири. Затронуты такие вопросы, как способ содержания и разведения пчел, качество продукции, прибыльность пчеловодства, проблемы, возникающие у мещан в этой отрасли. Автор констатирует, что мещанское пчеловодство находилось на низкой стадии развития, так как производство меда велось примитивным способом. Представлены также фактические данные по таким видам промысла, как охота, собирательство и рыболовство. Самой распространенной среди них оказалась рыбная ловля. Дается подробная методика охотничьей деятельности нарымских мещан, а также способы ловли рыбы. Показано, что имелось неравномерное развитие данной деятельности по районам губернии, а масштаб деятельности зависел от климатических, географических и социально-экономических условий места проживания. Пчеловодство больше было распространено в Томском районе и Алтайском горном округе, охота и рыболовство — в северных городах Томской губернии, в частности в Нарыме.

Ключевые слова: Сибирь, Томская губерния, город, мещане, охота, товар, рыболовство, пчеловодство.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-21

В Российской империи XIX в. мещанское сословие традиционно было занято в торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Однако на юге Западной Сибири подобная деятельность составля-

The article analyzes the fishing activities of burghers in the cities of the Tomsk province of the Russian Empire in the pre-reform period. Consideration is given to its general diversity. The article reveals the peculiarities of bourgeois beekeeping in the townships of South-West Siberia. The author addresses to such issues as a way of bee keeping, product quality, profitability of beekeeping, the problems the middle class faced in the industry. It is stated that philistine beekeeping was at a low stage of its development, as the honey production was carried out in a primitive way. The paper also presents evidence of such types of activities as fishing, hunting, and gathering. The most common among them was fishing. The article gives a detailed methodology for hunting activities of the Narym townspeople, as well as methods of fishing. It was shown that there was uneven development of the activity of the provincial areas and scale of activity depended on the climatic, geographic and socio-economic conditions of living. Beekeeping was more common in the Tomsk region and the Altai mining district, hunting and fishing were popular in the northern cities of the Tomsk province, particularly in Narym.

Key words: Siberia, Tomsk province, city, burghers, hunting, goods, fishing, beekeeping.

ла только незначительную долю в мещанском производстве. Основная масса мещан не имела определенных занятий и, чтобы как-то прокормиться, занималась разного рода промыслами. К ним отно-

сятся пчеловодство, охота, собирательство и рыболовство.

Пчеловодство в изучаемый период являлось достаточно новой отраслью хозяйства во всей Западной Сибири, однако в Тобольской губернии оно не получило особого распространения [1, с. 21]. При этом в Томской губернии особенно развито оно было в волостях Томского уезда. В Томске занимались пчеловодством, но «не в большом размере и то не в черте города» [2, с. 41]. В обывательских книгах Томска за 1800 и 1810 гг. не было упоминаний о пчеловодстве среди мещан. По данным источника, в 1820 г. пчеловодством в Томске занимался только мещанин Пересадин Иван Алексеевич. Однако к 1852 г. число пчеловодов среди мещан заметно увеличилось, их теперь насчитывалось 24 семьи, что составило 3,6% в общей массе мещанства Томска [3, л. 354].

В северных районах Томской губернии пчеловодство не было распространено. Так, в Нарыме оно не имело «почти никакого значения, так как мещане после нескольких неудачных попыток перестали этим заниматься». Причинами такой непопулярности были болезни пчелы «от плохого корма», наводнений, холодов, и отсутствия «медовых» рос [4, с. 358].

В южных волостях Алтайского горного округа пчеловодство стало распространяться в первой четверти XIX в. По свидетельству П.А. Голубева, особенно распространено оно было в 20 волостях Барнаульского и Бийского уездов. Современник уже тогда высказал замечание, что данный промысел зависит «от колебания климатических условий» [5, с. 80–82].

Первая пасака на Алтае появилась в 80-е гг. XVIII в. [6, с. 26]. Но в течение первой половины XIX в. в основной массе способ содержания и разведения пчел оставался примитивным. Так, П.А. Голубев писал: «к сожалению, пчеловоды не прилагают особенных забот к улучшению этой отрасли своего хозяйства, которое развивается количественно, но не качественно» [5, с. 81]. Содержали пчел в колодах, которые изготавливали из выдолбленных сосновых и тополиных пней высотой в 1,5–2 аршина (1 аршин = 1 м 40 см) [7, с. 126]. К слабому развитию пчеловодства среди мещан в отдельные годы приводили болезни пчел, с которыми в то время не было никаких методов борьбы.

Пчеловодством занимались в основном мещане, которые проживали в сельской местности. В Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства сохранились ведомости о пчеловодстве. Так, по ведомости от 1821 г. в селе Легостаевском занимался развитием пчеловодства мещанин Яков Сибиряков [8, л. 227]. В его распоряжении находилось 27 ульев, с которых в год было получено 3 пуда меда и 10 пудов воска. Мед и воск, как правило, подлежали последующей продаже. Продавал Сибиряков мед по 18 рублей за пуд и воск за 15 рублей, а в рас-

сматриваемый год он получил прибыли 51 рубль. Большую прибыль от пчеловодства получил в тот год мещанин, проживающий в селе Верхоевском, Николай Воронов. Он содержал 60 ульев, с которых получил 10 пудов меда и 20 пудов воска. Продавая по той же цене товар, Воронов получил прибыли 214 рублей. Мед и воск пчеловоды сбывали на местных ярмарках. Мед также продавали местным торговцам-перекупщикам, которые отправляли его в Иркутск, часть — в Томск. Из воска некоторые мещане сразу изготавливали свечи и отправляли в виде товара на Ирбитскую ярмарку [5, с. 82].

Определенное распространение пчеловодство получило в малых городах Алтайского района с преимущественно сельскохозяйственной ориентацией: Бийск, Кузнецк. В Кузнецке первые пчелы были привезены чиновником Шпинолем в 1800 г., потом их начали разводить и остальные горожане. В 1835 г. появились воскобитные заведения среди мещан-пчеловодов. По свидетельству Е.С. Конюхова, первым начал этим заниматься кузнецкий мещанин Гаврила Иванович Ананьин, потом Василий Яковлевич Хворов-старший, за ним некий мещанин Флегонт Нефодьевич Рашков. Последний впоследствии стал купцом, разбогатев как раз на этом промысле. В 1867 г. он содержал уже небольшой свечной завод [5, с. 85]. Кузнецким пчеловодам большой ущерб наносили также наводнения. Так, Е.С. Конюхов писал: однажды во время наводнения «потонуло много пчел, стоящих на низких местах, некоторые колодки с пчелами вовсе унесло...» [9, с. 64].

Надо сказать, что в общей массе пчеловодов мещане занимали незначительную часть. В основном пчеловодством занимались крестьяне, поселяне и незначительно купцы. Таким образом, пчеловодство для большинства мещан не было основным источником пропитания, а являлось часто подсобным промыслом.

Среди мещан Томской губернии, особенно его северного района (Нарым, Каинск), были развиты такие промыслы, как охота, рыболовство и собирательство. В Каинской округе, по описаниям П.И. Небольсина, мещане промышляли звероловством, птицеводством, рубкою и сплавом леса, «гонят деготь», «сидят смолю», «бьют шерсть» и занимаются производством домашней мебели для продажи [10, с. 96–97].

К охоте нужно прежде всего отнести птицеводство нарымских мещан. Ловили диких птиц разнообразными способами, а именно «пленницами», «перевесами», «слабцами», иногда просто «били палками во время линяния». Разъясним эти способы более подробно. «Пленница» — это силос из конского волоса, их ставят весной, когда вода разольется «по сорам», на так называемых «поньжах» (мелкий кустарниковый лес) и по озерам, в тальниках. Как правило, этим способом ловили диких уток. Этим же птиц мещане

ловили и «перевесами». «Перевесы» имели следующее устройство: «на островах вырубают по прямой линии лес, образуя просеку в 10 или 15 саж. ширины, так чтобы эта просека выходила с одной реки, или озера, или протоки на другую. По среди просеки, по соком ставят два шеста вышиною от 4 до 5 саж. снабженные блоками на верхних концах, в которые вкладываются веревки; к концам веревок, прикрепляется сеть, которая захватывает все пространство между шестов, поднимается верхним концом до самых блоков и представляет собою подобие паруса. Утки, перелетая ночью с одного места на другое просекою, не замечая сети, налетают на нее; сеть тотчас же опускается и птица вынимается живою». «Перевесы» мещане использовали только ночью весной, когда птица кладет свои яйца. «Слабцами» промысловики ловили птицу осенью, до снега и «замороза» рек, и только боровую (перелетную): глухарей, пеструх, косачей. «Слабцы» устраивались таким образом: «на песчаных местах, по близости рек, кладут большие бревна; один конец бревна поднимается несколько кверху и подпирается тоненькою палочкою, так что едва птица дотронется до нее, бревно падает и пришибает ее» [11, с. 372]. В зимнее время охота на птиц продолжалась при помощи обычных силков. Надо отметить, что охотились на куропаток и рябчиков, «в не большом количестве», так как эти птицы особым уважением у «туземцев» не пользовались, потому что дешево ценились и «имели мало мяса». В целом, по словам современника, мещане были плохие птицеловы, так как ограничивались лишь удовлетворением собственных нужд.

Рыболовство среди мещан Томской губернии было достаточно распространенным промыслом, особенно подробно об этом писали современники, описывающие Нарымскую промышленность. В Нарыме весной при вскрытии реки Оби мещане «от 5 до 6 человек... вступив в товарищество, начинают свою деятельность с того, что сшивают из мережи невод, величиною от 50 до 100 саж., и промышляют им на Обских протоках, также в р. Кети, в курьях и истоках» [12, с. 297]. Ловили мещане в основном нельму, язей и другую мелкую рыбу, а затем продавали ее в свежем виде нарымским купцам и «своим братьям мещанам», занимающимся рыбной торговлей. Последние ее сами солили и отправляли на каюках в Томск. Иногда томские «прасола» сами приезжали в Нарым на место для покупки рыбы у мещан-рыбаков.

Кроме того, рыбный «неводной» промысел производился и осенью, с сентября по ноябрь. Мещане «до замороза рек и озер неводят и солят пойманную рыбу, а некоторую продают, как и весной — свежую; с заморозов же ее морозят свежую на льду, и особенно выгодно продают озерную рыбу» [12, с. 298]. К озерной рыбе относились карась, окунь и щука, ее покупали преимущественно купцы и также от-

правляли в Томск и Красноярск для последующей продажи.

Вообще методика рыбной ловли у нарымских мещан, как и методика птицеловства, разнообразная. На каждую рыбу мещане придумывали определенный способ ловли. Например, «самоловы», их делали следующим образом: «берут бичевку (тетиву), длиною аршин в 40 (толщина ее вдвое менее вожи), свитую из пеньки, мочала, или лыка; к ней привязываются то пенькие бичевки, длиною от 2 до 2,5 четвертей, в расстоянии друг от друга четверти на четыре, — называемые коленцами; к коленцам прикрепляют крючки, а к крючкам (посредине их загиба) привешивают на конском волоске круглые поплавки, сделанные из осокоревой коры, — называемые баклашками, — с той целью, чтобы крючки погруженные в воду не лежали на земле, но острым концом находились кверху. К концам тетивы привязывают камни, связанные между двух сучковатых палок, называемых кошками, имеющих сходство с якорем; к кошкам привязывают длинные веревки называемые оттугами, толщина, коих одинакова с толщиной тетивы, длина же соответствует глубине Оби, т.е. от 20 до 25 саж.». «Самоловами» мещане промышляли на Оби с июня, одни в «урочищах» Нарыма, другие за 50 или 100 верст от города, в местах, принадлежащих остякам. Там рыболовы живут до середины осени, а иной раз и до самого Крещения. Уходят так далеко от дома мещане не зря, так как ловится здесь стерлядь, осетр и налим. Данный товар очень ценился на рынке, и поэтому «отход» мещан на промысел приносил значительный доход семье. После Крещения мещане отправлялись по домам, так как «налимий» и «осетринный» промысел к этому времени заканчивался. В небольшом количестве до конца января можно было поймать только стерлядь, по этой причине часть самых усердных рыбаков оставалась до окончания «самоловного» промысла.

Одним из популярных среди рыболовов было устройство под названием «рыжевка». «Рыжевка» — это сеть, сплетенная из льняных ниток, довольно тонких, окаймленная пеньковым шнуром. К нижней стороне сети привязывались круглые камни, сделанные из горшечной глины, «на расстоянии друг от друга трех четвертей», называемые «кибасом»; к верхней стороне ее, на одинаковом расстоянии и одной формы с «кибасом», прикреплялись поплавки из «осокоря». Чтобы установить «рыжевку», мещане поступали таким образом: «...вбивают в дно реки, в надлежащем расстоянии колья, к которым привязывают оба конца сети; нижнюю же сторону укрепляют кошками (якорями), а чтобы защитить сеть от плывущего по реке валенника, снабжают ее с этой стороны толстою сетью с редкими ячейками, от которой и произошло название рыжевки». Длина «рыжевки» от 15 до 20 сажень, ши-

рина от 2 до 3 сажень. Ею промышляют всякую рыбу на мелких местах р. Оби. Устанавливают ее в протоках, истоках, на сорах и «ямах». «Яма» — это большая котловина в реке длиной 1–2 версты и глубиной 2–3 сажени. Осетр и стерлядь забираются в «ямы» и «ложатся в них одна на другую в таком множестве, что образуемый слой бывает от 2 до 3 и более сажень в толщину» [12, с. 299]. Как правило, владельцы «урочищ», в которых находятся «ямы», назначали время лова, или, как они выражались «ломать яму», и объявляли об этом в окрестных селениях. На зов стекались рыбопромышленники, которые вносили условную плату хозяину «ямы» за производство промысла, смотря по качеству «ямы», от 1 до 3 рублей серебром с прогона, то есть «за право промышлять одним самоловом или одною рыжовкою» [12, с. 300].

При хорошей «яме» иногда стекалось от 150 до 200 прогонов рыбы. К каждому прогону прикреплялись 2–3 промышленника, таким образом, при «яме» обитали от 700 до 800 человек. Туда съезжались мещане разного возраста, причем необязательно профессиональные рыболовы. По словам очевидца, это могли быть и скупщики рыбы, и продавцы вина, «калачники», «сбитенщики» и проч. На такой «яме» добывалось от 2000 до 3000 тысяч пудов рыбы. Вот как описывал этот процесс современник: «В известное время все промышленники толпою собравшись к яме, по данному знаку, с криком и беспорядочно бросаются на нее (если летом, то в лодках), прорубают проруби («поды») и устанавливают ловушки. Продолжался промысел не более трех дней. В ямах ложится только стерлядь и в малом количестве осетр».

Промышляли мещане также «сетями», сделанными из льняных ниток, длиной 15–20 саженей и шириной 2–5 саженей. К верхнему концу сети была пришита тонкая бечевка, к которой прикреплены круглые «оскоревые» поплавки. Такая сеть плывет по течению реки, а за ней плывет рыба в «обласке». Рыба, идущая вверх, встречает сеть, запутывается в ней и вытаскивается в лодку. Ловили на «сети» как правило муксуна, сырка, нельму, осетра, язя в сентябре и октябре, «около известных песков, где дознан хороший ход рыбы». Промысел такого рода по большей части производился ночью.

Первый промысел рыбопромышленников начинался во время метания рыбой икры («перы» на языке обских остяков означает «время метания икры»). «Когда весенняя вода разольется по сорах и рыба выйдет из Оби на затопленные луга, в места мелкие, где вода более нагрета солнцем и менее быстра, тогда начинается первый промысел» [11, с. 371]. Во время первого промысла рыба собиралась большими массами и становилась удивительно смирной.

В полноводье рыбу добывали с помощью «переметов», которые были одинакового устройства с «самоловами», с той лишь разницей, что крючки перво-

го меньше и наживлялись червяками, а лески (нитки) тоньше. «Переметами» ловили преимущественно некрупную рыбу — стерлядь, режу щуку и налима.

Весной до вскрытия Оби рыбу ловили с помощью «чердаков». В глубоких и быстрых местах реки прорубали длинные «поды», затем прорубали еще четыре небольших «пода», на которые накладывались два бревна с проушинами, называемыми «пурнолами». «Пурнолы» над «подами» продеваются слегой — «чинжой». «Чинжа» и «пурнол» перевязывались черемуховыми прутьями — «юдошами». «Юдоши» пропущены в «поды» и подо льдом закручены туго «кряжами». В проушины вставляются бревна от 4 до 4,5 саж. длины — «липсаны», укрепляемые засовами («кулами»). В нижние концы липсанов продеваются длинные черемуховые жерди, укрепляемые черемуховыми кручеными прутьями, — зарученные на поверхности льда кряжами. К липсанам прикреплены свободно черемуховыми кольцами две слегги, называемые «кубами», нижние концы которых снабжены перекадиной («арапча») с привязанными к концам веревками. Наконец сшивают из мережи большой куль и пришивают один конец его к арапча, а другой конец, пропущенный в поду, укрепляется на поверхности льда. Когда нужно вынимать рыбу, тянуть веревками арапча, и нижняя часть сети вместе с ней показывается в поде и вытаскивается на поверхность. Лов бывает очень обилен, особенно при большой воде, в «чердаки» попадает нельма, налим, щука и язь [11, с. 372].

В Нарыме мещане «в большом количестве и усердно» собирали бруснику, черемуху, черную смородину, калину и отчасти морошку. По словам современника, черника, голубица, красная смородина, малина, смородина, костяника, земляника росли здесь в небольшом количестве и в промышленном отношении значения не имели.

На севере Томской губернии «произрастали характеризующие климат растения, шиповник, крушинник и волчьи ягоды». Особенно ярко очевидец описывал растущую в бору маленькими кустами «ягодицу». Эта ягода имела особое значение в народно-медицинском отношении. Ягоды ее «продолговаты, темнокрасного цвета; вкус она имеет горький, производят жжение во рту, подобно перцу, а принятый внутрь, в количестве от 10 до 20 штук, производят, по истечении часа, или более жар в организме, соединенный с испариной и сопровождаемый поносом. В сутки пароксизм заканчивается» [13, с. 380]. Среди местных жителей это лекарство было достаточно распространено, принимали его от 5 до 20 ягод от запора, от лихорадки, от боли в животе, от колики; настоем в вине или воде натираются при боли в пояснице и других ревматических страданиях.

Промышляли мещане сбором кедровых орехов. Так, в Нарыме «в городских урочищах кедровых лесов» не было, для сбора же орехов мещане нанимали

леса у остояков, по рекам Кети, Васюгану, Тыму и их притокам [13, с. 378].

Таким образом, мещане юго-западной Сибири «не были однородны» в своих занятиях, такие привычные для мещанина занятия, как торговля и промышленность, вовсе не являлись в первой половине XIX в. основной формой их жизнедеятельности. В Томской губернии получило развитие пчеловодство, которое в изучаемый период являлось новой отраслью хозяйства в Сибири. В его распространение

внесли свой вклад и мещане. Но в целом пчеловодство не определяло уровень развития мещанского населения Юго-Западной Сибири, так как имело весьма ограниченное значение в хозяйстве. В северных городах Томской губернии (Нарыме, Каинске) мещане занимались в основном промыслами: рыболовством, птицеводством, сбором ягод и орехов, что свидетельствует о значительном распространении среди них примитивных форм деятельности и господстве натурального хозяйства.

Библиографический список

1. Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1996.
2. Город Томск // Томские губернские ведомости. — 1858. — № 6.
3. Государственный архив Томской области. — Ф. 50. — Оп. 1. — Д. 3695.
4. Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): Историко-статистический очерк. — СПб., 1901.
5. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
6. Лукичев С.С. Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1970.
7. Иванченко Н.В. Пчеловодство в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII–XIX вв. — Барнаул, 1984.
8. Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 2806.
9. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. — Новокузнецк, 1996.
10. Небольсин П.И. Заметки из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. — 1849. — № 7.
11. Промышленность нарымских мещан // Томские губернские ведомости. — 1859. — № 47.
12. Промышленность нарымских мещан // Томские губернские ведомости. — 1859. — № 46.
13. Промышленность нарымских мещан // Томские губернские ведомости. — 1859. — № 48.